

Французский оперный букет

Театры Франции — о. в.

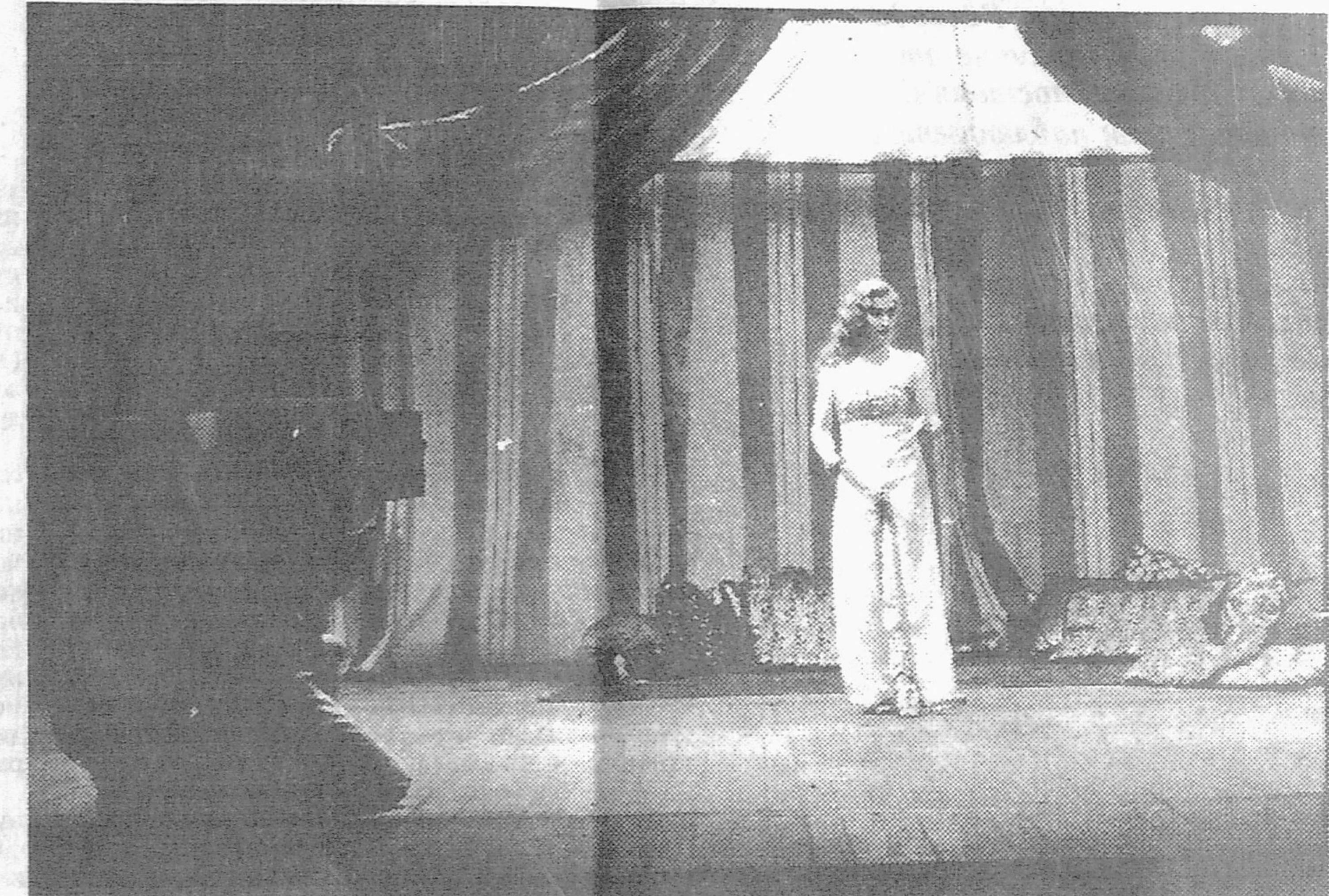
Три месяца французских оперных впечатлений. На чём остановиться особо? Стоит ли обобщать пеструю смесь стилей и уровней? Стоит ли пытаться найти закономерности в рисунке букета, где рядом с пышными хризантемами притулились скромные ромашки, где мелким незабудкам приходится волей-неволей пристраиваться рядом с крупными розами? Попробую, забыв систематизаторский азарт, ограничиться охапкой импрессий.

Франция некогда была великой оперной державой вровень с Италией, а Париж являл собой путь европейской оперы. Сегодня все это позади, даже самые крупные французские "лирические дома" не могут соперничать с лидерами оперного дела (хотя бы Ковент Гарденом) ни репертуаром, ни "звездностью", ни просто базовым уровнем. Нет ни одного театра, в котором, как в Венской Штаутсопере или Английской Национальной, играли бы каждый день весь сезон: оперные дни рассыпаны по музыкально-му году Франции рябью огоньков, ярких или тусклых, но неизменно нечестивых.

Вот небольшой, уютный театр в Авиньоне, в двух шагах от знаменитого Папского дворца, где летом бушуют театральные фестивали. Здесь оперу дают наряду с драмой и балетом, концертами и опереттой. В нынешнем сезоне среди нескольких названий — "Сила судьбы" Верди, которую сработали несколько театров вместе "в целях получения высокого качества", — ее авиньонцы и жители окружающего воклюзского края увидели всего лишь два раза. И еще "Дон

добротного профессионализма, зато маэстро Франсуа-Кавье Билько предложил плотного, жестковатого, насыщенного мистическими темами Моцарта. Сценически спектакли объединяла безуказенная работа художников по свету (может быть, это вообще то главное, чем может сегодня хвастаться французская оперная сцена). Ликующие яркие шелковые занавесы, за которыми скрываются беглецы, и стены, становящиеся прозрачными, разворачивали в нужную символическую сторону блеклую режиссуру Бернара Брака в опере Верди, а луки, режущие пространство на смысловые части, давали видимость триумфа смутным поискам Филипа Сирея в "Дон Жуане".

Громадная Марсельская Опера, находящаяся в плотном колыцеекс-шопов и увеселительных заведений (портовый город!), потчуя своим зрителям одним оперным названием в месяц. Верди выпал на мою долю в виде "Набукко", Моцарт — "Похищения из сераля", а французская оперная классика — в лице *оригинальных* "Пеллеас и Мелизанды" Клода Дебюсси.

шим. Вот и мне довелось услышать раритет — оперу "Добросердечный ворчун" Висенте Мартина-и-Солера на либретто не кого-нибудь, а Лоренцо да Понте. Увы, ни режиссура, ни музыкальное руководство не позволили в полной мере оценить достоинства этого венского шлягера; но в отдельные моменты, благодаря пению итальянок Глории Бандителли, Луиджи Петрони, Роберто де Кандиа и Умберто Кьюммо, каталонца Франсеска Гаррикосы, перуанца Эрнесто Паласио и особенно немки Эвы Кирхнер, возникло острое желание узнать получше творчество знаменитого испанца, этого былого соперника Моцарта, потому что славившиеся темные заводи и бурные водовороты оказывались ни на что не похожими.

Чувство разожженного любопытства возникло и в Ницце, на сей раз по отношению к оперному творчеству Гайдна. Его "Неожиданная встреча" брала не драматическими передрягами, но невероятными музыкальными достоинствами. Китайский дирижер Лонь Ю, нынешний генеральный директор Пекинской Оперы, проявляя классическую ясность музыкантской мысли и полное отсутствие манерности в самых вычурных пассажах. Все певцы, как один, демонстрировали стилистическую состоятельность и актерскую смелость: действие перенесли в тридцатые годы, на ницкую киностудию *"de la Victoire"*, и актерам приходилось играть то кинодеятелей того времени, то киноперсонажей из условного ориентального пространства. Но, как бы

ни были хороши канадка Ребекка Кейн и англичанка Луиз Уинтер,

немец Вольфганг Раух и американец Уильям Берден, ярче всех сверкала Лора Клейкомб, которую публика (но не жюри) последнего конкурса Чайковского одарила своей безудержной любовью. Можно с уверенностью сказать, что московская публика не ошиблась: Лора вырастает на глазах в настоящую звезду. Сверкнув метеором в Женеве (срочный ввод в "Капулетти и Монтекки" Беллинни), спев вместо Чечилии Гасдри все спектакли "Золушки" Массне в Монте-Карло, Клейкомб идет победным шествием по Европе, и шквал оваций в Ницце — лишь малая часть ее сегодняшних лавров. Кто знает, не станет ли именно эта рыжая бестия той дивой,

которой ждет объевшаяся грамотностью и профессионализмом оперная публика Запада?

"Золушка" в Монте-Карло предлагала певиц именно с такими свойствами. Прекрасная вокалистка, Соня Ганасси знала, что делать с партией Анджелины, но блеск яркой индивидуальности не хватало. Здесь вырывались на передний план обладатели низких мужских голосов — бас Альфонсо Антониоши и баритон Ильде-брэндо д'Аркандело, чья вокальная и артистическая талантливость просто била через край. К слову сказать, самый шикарный в мире оперный театр, творение Шарля Гарнье, произвел впечатление чрезмерной роскоши, хотя и оказался прекрасной оправой для естественного российского музирования.

Остается только обрисовать в этом букете парижские цветы.

Роскошной орхидеей останется в памяти образ Лакме, созданный Натали Дессэй в скромном стилизаторском спектакле на сцене Опера Комик. Французское сопрано не щеголяет, в отличие от итальянок, своей виртуозностью, но с какой-то щемящей застенчивостью устремляется к россыпям верхних *ми*, погнали по ним, как мотыльки по полям блаженных, а потом, как на диванчик, кошачьим клубком грациозно укладывается на уютные фермы, где все мы забываем, что такое здесь и сейчас.

Недораспустившейся лилией является к нам Ифигения Эллен Шейд в спектакле Опера Бастиль, подписанном экспериментатором Ахимом Фрайером. Вогнанные цветы ее партнеров по сюжету глюковской "Ифигении в Тавриде", тенора Кита Льюиса и баритона Энтони Майклс-Мура, оказываются куда душистее и насыщеннее по цвету.

И вовсе скромной полевой ромашкой с сильно осыпавшимися лепестками предстает бытая примадонна Рита Горр в спектакле "Медиум" на сцене Опера Комик. Всем, кто помнит знаменитый спектакль Александра Петрова с Ниной Романовой и Геннадием Судаковым в главных ролях, скромное зрелище Фавар вообще было показано унылой самодействительностью. Но и без сравнений, без всяких точек отсчета принять домохозяйку, за душой у которой не было ни тяжелых переживаний, ни секретов певческого мастерства, за мадам Флору из оперы Менотти оказалось невозможно. Зато публика чтила своего бывшего кумира, как водится, шквалом аплодисментов...

Обвижу-ка я этот букет лентой. И пусть скажет выставка оперных и балетных костюмов на лестницах и в фойе Гранд Опера, где ушедшие бояре и короли, сильфи и половины тают в себе не только счастливое прошлое, но, может быть, и великое будущее, нарождающееся как раз сегодня, когда в парижском Дворце Гарнье ремонтируют сцену.

Алексей ПАРИН
Арль — Париж — Москва

На снимках:

"Неожиданная встреча" в Ницце, "Ифигения в Авалиде" в Париже и "Дон Жуан" в Авиньоне.

Жан", позаимствованный у Королевской Оперы Валлонии.

В вердиевском шедевре диапазон артистических достижений распространялся от Людмилы Шемчук, с ее грубым вокалом и вульгарными ухватками, до Фильхельмсении Фернандес, примадонны по стати, известной широкой публике по нашумевшему фильму "Дива". Последняя, не будучи идеальной вокалисткой, греха сбоями в регистровых переходах и тембральными промахами, с такой самоотдачей врастала в судьбу Леоноры, с такой любовью облекала все уголки ее мятущейся души, что не принять ее в сердце было просто невозможно. Рядом с Фернандес меркли даже немалые вокальные достижения тенора Франсиско Казановы и баса Альфонсо Эчеверрии.

В шедевре Моцарта пальму первенства тоже просто неправдоподобен. Метерлинковский замок, полный ибсеновских привидений и насыщенный нинами заречными, маленьными эйльфами и женшинами с моря, переливался всеми блеклыми павлиньими-перламутровыми красками модерна и манил неразгаданными недрами. В эпицентре драмы оказалась душа Голо, высовченная феноменальным вокальным даром и безупречным художественным вкусом Жозе Ван Дама. Кажется, без воронки, образованной взбаламученной душой Голо, не было бы и ослепительных брызг от взлетающего к небесам фонтана Мелизанды и Пеллеаса в исполнении молодых, но уже все умеющих Анны-Софии Шмидт и Дида Анири. Король Аркель, патриарх старинного аристократического рода, несущий на своих плечах всю тяжесть и всю горечь многоного знания, оказывался в исполнении патриарха французской оперы Габриэля Бакье комментатором событий, чье пение заключало смутную драму в оболочку янского картезианского размышления. Звезда французской камерной музыки Натали Стюман ставила свою статуарную, но драматически насыщенную Женевьеву на один уровень с этим крупным образом.

В Монпелье любят старинную музыку. И хотя программа этого года украшена эскизом Федоровского к "Хованщине" в честь гастролей Марининского, в отсутствие русских здесь все больше ударают по векам очень давно прошедшими. Музыкальные уровни спектаклей были не равнозначны: дирижер "Силы судьбы" Сириль Дидерик не вырывался за рамки

